

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УчРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Международный сборник научных статей

**Новополоцк
ПГУ
2013**

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Е.А. Папакуль (Полоцк, ПГУ)***МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА РОБИН ГУДА В КОНЦЕПЦИИ «ВЕСЁЛАЯ АНГЛИЯ»**

Англия XIV века была ареной серьёзных социально-экономических потрясений. В этот период все намечившиеся противоречия оказались до предела обострёнными в обстановке тягчайшего кризиса, явившегося результатом эпидемии бубонной чумы. «Чёрная смерть» началась в Англии в 1348 г., к сентябрю эпидемия дошла до Лондона и продолжалась до осени 1349 г., в результате чего численность населения, составлявшая примерно 3,5 миллиона, сократилась, по разным данным, наполовину или даже на две трети.

Эпидемия сопровождалась падежом скота и голодом, так как многие поля оставались невозделанными или необработанными. Резко повысились цены на продовольствие. Особенно пострадали от эпидемии жившие скученно и в скверных условиях крестьяне и ремесленная беднота городов. Сказалось постоянное плохое питание, тяжкий труд, антисанитарные условия жизни. Последствия эпидемии были очень тяжелыми. Прежде всего обнаружилась нехватка рабочих рук. Резко сократилось число батраков, которые были необходимы мелким и средним помещикам, и обязанных барщиной крепостных в крупных поместьях. Крупные лорды стремились найти выход из положения в увеличении барщины, которую требовали с оставшихся у них крестьян, возвращая, таким образом, в крепостное состояние крестьян, фактически освободившихся в предшествовавший период.

В результате феодальной реакции и тяжелых последствий рабочего законодательства в Англии в 60–70-х годах XIV века (усиление барщины, увеличение рент и усиление крепостничества) противоречия непрерывно нарастали, что в конце концов привело к крупнейшему в истории страны крестьянскому восстанию под предводительством Уота Тайлера. Помимо нарастания противоречий в деревне, усиливалось и недовольство в английских городах. Оно было вызвано разложением цеховой системы, расслоением внутри гильдий (цехов), борьбой между подмастерьями и мастерами, между богатыми и бедными ремесленниками и между гильдиями.

Обстановка в стране особенно обострилась из-за военных неудач и непрерывного роста налогов, вызванного как Столетней войной (1337–1453), так и хищнической политикой знати. Злоупотребления при взимании поголовного налога вызвали сильнейшее возмущение уже в 1380 г., а в июне 1381 г. они стали поводом к восстанию, охватившему значительную часть Англии: двадцать три графства из сорока [1, с. 78 – 84].

Вместе с тем в этот период обнаруживается заботливость Англии о морском могуществе и славе страны; мысленно, англичане считают океан своим владением. Бурно развивается торговля, а с ней появляется роскошь, комфорт и любовь к искусству. В Лондоне происходит то же, что и в Венеции, Флоренции и Брюгге: дворяне и купцы любят «красивые вещи». Начинается эпоха благоденствия для рисовальщиков, миниатюристов, живописцев и скульпторов; богачи заказывают резчикам мадонн из слоновой кости с нежной, полусветской улыбкой, которая особенно прелестна своей двойственностью, порождающей сомнение в том, принадлежит ли она небу или земле; записные книжки с листами слоновой кости или золота и прозрачной эмали, золотые стаканчики с фигурами, серебряные кубки с «эмалированным изображением детских игр», солонки, имеющие форму льва или собаки, «золотые изображения св. Иоанна Крестителя в пустыне», и всю ту прелестную домашнюю утварь, которой наполнены английские музеи. Миниатюристы рисуют на полях молитвенников рай, или изображают красками легендарные сюжеты, или, наконец, фантастические истории, битвы рыцарей с исполненными бабочками посреди цветов [2, с. 186 – 188].

В архитектуре того времени англичане способствуют развитию особого рода ими изобретённой готики, так называемой перпендикулярной. Стены и своды часовен покрываются украшениями; широкие окна пропускают сквозь цветные стёкла разноцветный свет, из карнизов выступают ангелы с золотистыми волосами.

Начинают заботиться о комфорте и об изяществе жилища, стола, манерах и правилах поведения. Пища становится роскошной и утончённой. Точно так же, как и дом, украшается и собственная особа; роскошь в одежде доведена до крайности.

Понятие о красоте, почитание и культ её распространяются в среде народа, мысли которого следовали когда-то совсем по другому направлению. На физическую красоту обращается внимание, которым она никогда не пользовалась в такой степени; мужчины и женщины носят одежду, обрисовывающую формы тела. Заметнее проявляется забота о красоте неодушевлённых предметов, пейзажей, деревьев; в 1350 г. находятся представители коммун, которые жалуются на уничтожение высоких деревьев, расту-

ших близости домов, – тех высоких деревьев, которые уже были милы английскому сердцу, – и ставят на вид парламенту «большой ущерб, повреждения и обнажение», которым подвергаются эти жилища [2, с. 188 – 194].

В целом вторая половина XIV века была очень важной эпохой в развитии английской национальной культуры. Именно тогда завершается в основном процесс слияния различных англосаксонских диалектов и на базе лондонского диалекта складывается литературный английский язык. Этот язык становится языком закона и парламента. Перевод Библии Уиклефом оказал большое влияние на этот процесс. Ко второй половине XIV века относится расцвет английской литературы. У. Ленгленд пишет поэму «Видение Уильяма о Петре Пахаре», в которой в аллегорической форме изображает английское общество и возвеличивает образ простого крестьянина-пахаря. Получают распространение песни о Робине Гуде. Джеффри Чосер (1340–1400) создает «Кентерберийские рассказы», дающие яркую реалистическую картину жизни Англии. Распространяется образование. Центрами его являются Оксфордский и Кембриджский университеты с их системой колледжей. Центром юридического образования становится Судебное подворье в Лондоне [1, с. 86].

Несмотря на войну с иноземцами, внутренние возмущения, на периодически возвращающуюся чуму (в 1349, 1362, 1369 и 1375 гг.), на большой бунт крестьян и на последовавшие затем смуты и побоища, искусство в XIV веке процветает, отличаясь *весёлым* характером.

Это совпадение не так удивительно, как кажется; жизнь была в то время так непрочно и ей грозило так много опасностей, что все свыкались с самого детства с мыслью потерять её скоро и внезапно; войны, появления чумы и побоища не захватывали людей врасплох; они были как бы в порядке вещей, их ожидали в любое время; возможность вероятных несчастий утрачивала меньше, чем в более спокойные эпохи; в те времена люди были ежеминутно готовы драться, убивать и быть убитыми. Игры походили на битвы, а битвы на игры; любимой забавой были турниры, где рисковали жизнью ни за что, из удовольствия. Эдуард уезжает на войну с Францией, и его бароны берут с собой так же, как и он, своих сокольников и собак, точно отправляясь на охоту. Фруассар рисует *весёлыми* красками, а предметом своей живописи берёт Францию и столетнюю войну. «*Весёлая Англия*» – это Англия чумы и крестьянского бунта, в которой из четырёх королей двух убивали, и вместе с тем это Англия улыбающихся мадонн [2, с. 186 – 188].

«*Весёлая Англия*» (*Merry England*), или в более шутовском, архаичном написании *Merrie England*, относится к стереотипной, утопической концепции английского общества и культуры, основанной на идиллическом пасторальном образе жизни, который был предположительно распространен в некоторое время между Средневековьем и началом промышленной революции [3, с. 131]. Рональд Хаттон определяет время существования «*Весёлой Англии*» между 1350 и 1520 годами [4].

Всё саксонское однообразие и грустное настроение, последовавшее за Гастингской битвой, забыто и изглажено, новая Англия умеет улыбаться, умеет и смеяться; она *весёлая Англия*, с весёлыми вспышками, Англия легенд, жалобных стихов и очаровательных красавиц [2, с. 188 – 194].

Хотя жизнь была сурова, зато были многочисленные праздники, заставлявшие позабыть на миг все горести; «забвение было в зрелище», как хорошо это заметил Фруассар по поводу одного из этих великолепных зрелищ. Для народа существовали майские праздники с танцами и песнями, сцены подвигов Робин Гуда, позднее представление тех песен, где он был героем; и всё это при звоне колоколов под ясным небом, наполняющих воздух радостью [2, с. 351].

Праздник Робин Гуда ещё широко отмечался в Англии XVI века. Жители деревень и провинциальных городков вроде Стрэтфорда, родины Шекспира, посвящали ему майский праздник (May-day), праздник весны. В этот день молодёжь плясала вокруг «майского шеста» (may-pole), распевая песни о знаменитом народном герое; некоторые любители, надев зеленые куртки и вооружившись луками, разыгрывали в лесу перед собравшейся толпой приключения Робин Гуда, Маленького Джона и других «*весёлых людей*» (*merry men*) зелёного леса [5].

Связь между Робин Гудом и месяцем маем не случайна. Справедливо отмечается, что либо краткое упоминание, либо живое описание данного сезона в более старых балладах показывают, что подвиги героя обычно совершались в течение этой поры года. Так, приключения в *Robin Hood and the Monk* происходят одним майским утром (a morning of May). *Robin Hood and the Potter* и *Robin Hood and Guy of Gisborne* начинаются, так же как и *Robin Hood and the Monk*, с описания сезона, зелёной листвы, когда всё в цвету, и маленькие птички поют, и этот сезон, несмотря на то, что называется летом, в то же время подразумевает май в *Robin Hood and the Monk* согласно данному описанию. Освобождение Клаудэсли Адамом Беллом также происходит «*весёлым майским утром*» (*on a merry morning of May*).

Робин Гуд также неизменно ассоциируется с месяцем маем из-за игр, которые проводились в эту пору года. История этих игр, к сожалению, почти не раскрыта, и едва ли имеются сведения ранее начала XVI века. К этому времени их изначальный характер потерял свой смысл, или, по крайней мере, их значение было настолько забыто, что развлечение и церемония полностью перемешались. В начале XVI ве-

ка в моде были, кроме соревнования лучников, четыре действия, – the Kingham, или избрание Лорда и Леди мая, по-другому называвшихся Летними Королём и Королевой, the Morris Dance, the Hobby Horse, и the Robin Hood. Несмотря на то, что эти действия имели различное происхождение, в описываемую эпоху они начали смешиваться; и the Morris вбирал в себя их все, будучи процессией, прерываемой танцами. Изначально обязательными действующими персонажами данной процессии были The Lady (the Queen of May либо Maid Marin), шут и барабанщик. Но учитывая невероятную популярность Робин Гуда, Тука и Маленького Джона, неудивительно, что они уже в начале XVI века заменили анонимных участников действия, а The Lady, которую чаще стали называть Maid Marin, стала позже рассматриваться в качестве супруги Робин Гуда, хотя она иногда появлялась в the Morris и без него [6, с. 30 – 32].

Ни одно из гуляний в *весёлой Англии* не могло превзойти майский праздник. Возвращение солнца побуждало простой народ к различного рода развлечениям. Вдобавок к традиционным и подходящим для данной поры года состязаниям проводились различные представления военного характера с лучниками, танцорами и другими развлечениями на весь день, а вечером – мистерии и костры на улице. Сценки о Робин Гуде считались «очень подходящими для майских игр» [6, с. 36].

О невероятной популярности Робин Гуда свидетельствует и следующая история. Однажды епископ Латимер (1485–1555) прибыл в сельскую церковь для проповеди. Он нашёл церковные двери запёртыми, и ему пришлось ожидать более часа, пока явился какой-то человек и сказал ему: «Сэр, сегодня мы не можем вас слушать, потому что мы празднуем память Робин Гуда. Все жители села ушли далеко отсюда в лес». Епископу пришлось снять облачение и удалиться [5].

Таким образом, Робин Гуд являлся неотъемлемой частью такого явления, как «*весёлая Англия*». И можно предположить, что весёлый Шервудский лес (*Merry Sherwood*) в понимании тогдашних англичан являлся идеальной моделью Англии (*Merry England*) в миниатюре, где, несмотря на все горести и несчастья того времени, жили свободные «*весёлые люди*» (*merry men*). А тот факт, что действие баллад о Робин Гуде обычно происходит «*весёлым майским днём*» либо «*утром*» (*on a merry morning of May*), т.е. в пору, когда происходят любимые празднества простого народа, только подкрепляет данную версию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штокмар, В.В. История Англии в Средние века / В.В. Штокмар. – СПб.: Алетейя, 2005. – 203 с.
2. Жюссеран. История английского народа в его литературе / Жюссеран. – СПб.: с-п типография И. Скороходова, 1898. – 404 с.
3. Judge Roy. «May Day and Merrie England» Folklore 102.2 / Roy Judge, 1991. – P. 131 – 148.
4. Hutton Ronald. The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year 1400–1700 / Ronald Hutton. – New York: Oxford University Press, 1994. – 366 с.
5. Морозов Михаил Михайлович. «Баллады о Робин Гуде» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0110.shtml. – Дата доступа: 29.11.2012.
6. Child Francis James. English and Scottish Ballads. Volume V / Francis James Child. – Boston: Little, Brown and Company 1860. – 448 с.

А.С. Кононова (Полоцк, ПГУ)

РОМАНТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕЙН ОСТЕН

Период творческой активности Джейн Остен совпал со временем появления и расцвета английского романтизма (конец XVIII – начало XIX вв.), что породило тенденцию у некоторых исследователей относить произведения, созданные писательницей, к произведениям романтиков. Однако насколько правильно считать ее романы типичными произведениями эпохи романтизма?

Прежде всего стоит упомянуть, что многие исследователи, в том числе отечественные, отмечают неоднородность культурных (и, в первую очередь, литературных) явлений Англии того времени. Так, прочно укрепилось мнение о том, что реализм быстро обрел в Англии силу, потому что формировался в весьма специфической по сравнению с другими странами обстановке. Здесь романтизм не успел еще расшатать основы просветительского реализма, как уже начал складываться новый реализм, и в течение некоторого времени просветительский реализм, предромантизм, романтизм и (зачатки) критического реализма сосуществовали в английской литературе. Иначе говоря, в Англии критический реализм XIX века формировался в непосредственной, ненарушенной преемственности с реализмом эпохи Просвещения [1, с. 113], в то время как во многих других европейских странах можно проследить последовательную смену данных направлений. И именно творчество Джейн Остен часто называют своеобразным связующим звеном между двумя разновидностями реализма – просветительского и критического.